

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XVII столетия по дорогам Японии долгие годы странствовал человек уже не первой молодости и некрепкого здоровья, по виду похожий на нищего. Не раз, вероятно, слуги какого-нибудь знатного феодала сгоняли его с дороги, но ни один именитый князь того времени не удостоился той посмертной славы, которая выпала на долю этому неприметному путнику — великому японскому поэту Басё.

Многие художники с любовью рисовали образ странника-поэта, и сам Басё умел, как никто другой, взглянуть на себя острым глазом, со стороны.

Вот, опираясь на посох, идет он горной дорогой в осеннюю непогоду. Потрепанный халат из плотной, покрытой лаком бумаги, плащ из тростника, соломенные сандалии плохо защищают от холода и дождя. Но поэт еще находит в себе силы улыбнуться:

Холод пробрал в пути.
У птичьего пугала, что ли,
В долг попросить рукава?

В небольшой дорожной суме хранится самое насущное: две-три любимые книги стихов, тушечница, флейта. Голову прикрывает большая, как зонт, шляпа, плетенная из кипарисовых стружек. Словно усики плюща, выются по ее полям узоры письмен: путевые записи, стихи.

Никакие дорожные трудности не могли остановить Басё: он трясся в седле зимою, когда самая тень его «леденела на спине у коня»; шел пешком с крутизны на крутизну в разгар летней жары; ночевал где придется — «на подушке из травы», в горном храме, на неприятном постоялом дворе... Случалось ему отдыхать на гребне горного перевала, «за дальней далью облаков». Жаворонки парили у него под ногами, а до конца пути оставалась еще «половина неба».

В его время были модными «эстетские прогулки» на лоне природы. Но никак нельзя сравнивать их со странствиями Басё. Дорожные впечатления служили строительным материалом для его творчества. Он не жалел трудов — и даже самой своей жизни, — чтобы добыть их. После каждого из его путешествий появлялся сборник стихов — новая веха в истории японской поэзии. Путевые дневники Басё в стихах и прозе принадлежат к самым замечательным памятникам японской литературы.

В 1644 году в замковом городе Уэно провинции Ига у небогатого самурая Мацуо Ёдзаэмона родился третий ребенок, сын, будущий великий поэт Басё.

Когда мальчик подрос, ему дали имя Мунэфуса взамен прежних детских прозвищ. Басё — литературный псевдоним, но он вытеснил из памяти потомков все прочие имена и прозвища поэта.

Провинция Ига была расположена в самой колыбели старой японской культуры, в центре главного острова — Хонсю. Многие места на родине Басё известны своей красотой, а народная память сохранила там в изобилии песни, легенды и старинные обычаи. Славилось и народное искусство провинции Ига, где умели делать чудесный фарфор. Поэт очень любил свою родину и нередко на склоне лет посещал ее.

Ворон-скиталец, взгляни!
Где гнездо твое старое?
Всюду сливы в цвету.

Так изобразил он то чувство, какое испытывает человек, увидев после долгого перерыва дом своего детства. Все, что раньше казалось привычным, вдруг чудесно преобразуется, как старое дерево весной. Радость узнавания, внезапное постижение красоты, такой знакомой, что ее уже не замечаешь, — вот одна из самых значительных тем поэзии Басё.

Родные поэта были людьми образованными, что предполагало в первую очередь знание китайских классиков. И отец, и старший брат кормились тем, что преподавали каллиграфию. Такие мирные профессии стали в то время уделом многих самураев.

Кончились средневековые распри и междоусобицы, когда воин мог прославить себя ратным подвигом и завоевать мечом высокое положение. Поля великих битв поросли травой.

В начале XVII столетия одному из феодалов удалось взять верх над другими и установить в стране сильную центральную власть. В течение двух с половиной столетий потомки его — князья из рода Токугава — правили Японией (1603—1867). Резиденцией верховного правителя был город Эдо (ныне Токио). Однако столицей по-прежнему назывался город Киото, где жил лишенный всякой власти император. При его дворе звучала старинная музыка, на поэтических турнирах слагались стихи классической формы (танка).

«Замирание страны» способствовало росту городов, развитию торговли, ремесел и искусства. В основе официально принятого в стране уклада все еще лежало натуральное хозяйство, но в конце XVII века большую силу обретают деньги. И эта новая сила властно вторгалась в человеческие судьбы.

В руках менял, оптовых торговцев, ростовщиков, виноделов сосредоточились огромные богатства, в то время как в тесных улочках предместья царила неопишуемая нищета. Но, несмотря на трудности городской жизни, несмотря на бедность и скученность, все же притягательная сила города была очень велика.

В годы Гэнроку (1688—1703) городская культура достигла пышного расцвета. Простые предметы быта становились в руках умельцев замечательными произведениями искусства. Резные брелоки, нэцкэ, ширмы, веера, шкатулки, гарды мечей, цветные гравюры и многое другое, созданное в ту эпоху, служит теперь украшением музеев. Недорогие книги с превосходными иллюстрациями, печатавшиеся ксилографическим способом с резных деревянных досок, выходили большими для того времени тиражами. Купцы, подмастерья, сидельцы в лавках полюбили романы, модные стихи и театр.

В японской литературе появилось созвездие ярких талантов: кроме Басё, в него входили романист Ихара Сайкаку (1642—1693) и драматург Тикамацу Мондзаэмон (1653—1724). Все они, столь непохожие друг на друга — глубокий и мудрый Басё, ироничный, земной Сайкаку и Тикамацу Мондзаэмон, достигавший в своих пьесах высокого накала страстей, — имеют между собой нечто общее: их роднит эпоха. Горожане любили жизнь. От искусства они требова-

ли достоверности, точных жизненных наблюдений. Сама его исторически возникшая условность все более пронизывается реализмом.

Басё было двадцать восемь лет, когда в 1672 году, вопреки уговорам и предостережениям родных, он оставил службу в доме местного феодала и, полный честолюбивых надежд, отправился в Эдо с томиком своих стихов.

К тому времени Басё уже получил некоторую известность как поэт. Стихи его публиковались в столичных сборниках, его приглашали участвовать в поэтических турнирах...

Покидая родину, он прикрепил к воротам дома, где жил его друг, листок со стихами:

Облачная гряда
Легла меж друзьями... Простились
Перелетные гуси навек.

Весной один дикий гусь улетает к северу, где ждет его новая жизнь; другой, опечаленный, остается на старом месте. Стихотворение дышит юношеским романтизмом, сквозь грусть разлуки чувствуется радость полета в неведомую даль.

В Эдо поэт примкнул к последователям школы Данрин. Они брали материал для своего творчества из жизни горожан и, расширяя поэтический словарь, не чуждались так называемых прозаизмов. Эта школа была новаторской для своего времени. Стихи, написанные в стиле Данрин, звучали свежо и свободно, но чаще все-

го они были только жанровыми картинками. Почувствовав идейную ограниченность и тематическую узость современной ему японской поэзии, Басё в начале восьмидесятых годов обратился к классической китайской поэзии VIII—XII веков. В ней нашел он широкую концепцию мироздания и того места, которое занимает в нем человек как творец и мыслитель, зрелую гражданскую мысль, подлинную силу чувства, понимание высокой миссии поэта. Больше всего Басё любил стихи великого Ду Фу. Можно говорить об их прямом влиянии на творчество Басё.

Внимательно изучал он и насыщенную поэтическими образами философию секты Дзэн, идеи которой оказали большое влияние на японское средневековое искусство.

Жизнь Басё в Эдо сложилась трудно. С помощью какого-то доброхота он устроился на государственную службу по ведомству строительства водных путей, но вскоре оставил эту должность. Он стал учителем поэзии, однако его молодые ученики были богаты только талантом. Лишь один из них, Сампу, сын состоятельного рыбака, нашел средство по-настоящему помочь поэту: он уговорил своего отца подарить Басё маленькую хижину-сторожку возле небольшого пруда, который одно время служил рыбным садком. Басё написал по этому поводу: «Девять лет я вел бедственную жизнь в городе

и наконец переехал в предместье Фукагава. Мудро сказал в старину один человек: “Столица Чанъань — издревле средоточие славы и богатства, но трудно в ней прожить тому, у кого нет денег”. Я тоже так думаю, ибо я нищий¹.

В стихах, созданных в начале восьмидесятых годов, Басё любил рисовать свою убогую Банановую хижину (Басё-ан), названную им так потому, что он посадил возле нее саженцы банановой пальмы. Детально изобразил он и весь окрестный пейзаж: топкий, поросший тростником берег реки Сумида, чайные кусты, маленький заглохший пруд. Хижина стояла на окраине города, весной только крики лягушек нарушали тишину. Поэт принял новый литературный псевдоним «Живущий в Банановой хижине» и наконец начал подписывать свои стихи просто Басё (Банановое дерево).

Даже воду зимой приходилось покупать. «Горька вода из мерзлого кувшина», — писал он. Басё остро ощущал себя городским бедняком. Но вместо того чтобы скрывать свою нищету, как другие, он говорил о ней с гордостью. Нищета стала как бы символом его духовной независимости.

В среде горожан был силен дух стяжания, мещанского скопидомства, скряжничества, но

¹ Басё имеет в виду слова великого китайского поэта Бо Цзюйи (772–846); Чанъань — столица Танского государства в Китае (VII–IX вв.).

купцы не прочь были оказать покровительство тем, кто умел их забавлять. Люди искусства сплошь да рядом состояли приживалами при купцах-толстосумах. Находились такие стихотворцы, которые слагали в один день сотни и тысячи строф и этим создавали себе легкую славу. Не в этом видел назначение поэта Басё. Он рисует в своих стихах идеальный образ свободного поэта-философа, чуткого к красоте и равнодушного к жизненным благам... Если тыква-горлянка, служившая в хижине Басё кувшином для рисового зерна, опустела до дна — ну что же: он вставит в горлышко ее цветок!

Но, равнодушный к тому, что больше всего ценили другие, Басё с величайшей требовательностью и заботой относился к своему творчеству.

Стихи Басё, несмотря на предельный лаконизм их формы, никак нельзя рассматривать как беглые экспромты. Это плоды не только вдохновения, но и очень большого, напряженного труда. «Тот человек, который за всю свою жизнь создал всего три-пять превосходных стихотворений, — настоящий поэт, — сказал Басё одному из своих учеников. — Тот же, кто создал десять, — замечательный мастер».

Многие поэты, современники Басё, относились к своему творчеству, как к игре. Философская лирика Басё была явлением новым, необычным и по серьезности тона, и по глубине идей.

Творить он должен был в пределах традиционных поэтических форм (инерция их была очень велика), но ему удалось вдохнуть в эти формы новую жизнь. В свою эпоху он ценился как непревзойденный мастер «сцепленных строф» («рэнку») и трехстиший («хокку»), но только последние полностью выдержали испытание временем.

Форма лирической миниатюры требовала от поэта жесткого самоограничения и в то же время, придавая весомость каждому слову, позволяла много сказать и еще больше подсказать читателю, разбудив его творческое воображение. Японская поэтика учитывала встречную работу мысли читателя. Так удар смычка и ответное дрожание струны вместе рожают музыку.

Танка — очень древняя форма японской поэзии. Басё, сам не сочинявший танка, был большим знатоком старинных антологий. Особенно он любил поэта Сайгё, который жил отшельником в мрачные годы междоусобных войн XII века. Стихи его удивительно просты и словно идут от самого сердца. Природа для Сайгё была последним прибежищем, где в горной хижине он мог оплакивать гибель друзей и несчастья страны. Трагический образ Сайгё все время возникает в поэзии Басё и как бы сопутствует ему в его скитаниях, хотя и эпохи, в которые жили эти поэты, и их социальное бытие были весьма различны.

С течением времени танка стала четко делиться на две строфы. Иногда их сочиняли два разных поэта. Получался своего рода поэтический диалог. Его можно было продолжить как угодно долго, при любом количестве участников. Так родились «сцепленные строфы» — поэтическая форма, очень популярная в Средние века.

В «сцепленных строфах» чередовались трехстишия и двустишия. Соединяя их по два, можно было получить сложную строфу — пятистишие («танка»). Единого сюжета в этой длинной цепи стихотворений не было. Ценилось умение сделать неожиданный поворот темы; вместе с тем каждая строфа сложнейшим образом перекликалась с соседними. Так камень, вынутый из ожерелья, бывает хорош сам по себе, но в сочетании с другими приобретает новую, дополнительную, прелесть.

Первая строфа называлась хокку. Постепенно хокку сделалось самостоятельной поэтической формой, отделившись от «сцепленных строф», и завоевало огромную популярность среди горожан¹.

В основном хайку — лирическое стихотворение о природе, в котором непременно указывается время года.

¹ Второе распространенное в Японии название для этой формы — «хайку» — было введено в литературный обиход поэтом Масаока Сики только в конце XIX века. Бытует также термин «хайкай» — стихотворение «шутейного» жанра.

В поэзии Басё круговорот времен года — изменчивый, подвижный фон, на котором яснее прорисовываются сложная душевная жизнь человека и непостоянство человеческой судьбы.

«Идеальный», освобожденный от всего грубого пейзаж — так рисовала природу старая классическая поэзия. В хайку поэзия вновь обрела зрение. Человек в хайку не статичен, он дан в движении: вот уличный разносчик бредет сквозь снежный вихрь, а вот работник вертит мельницу-крупорушку. Та пропасть, которая уже в X веке легла между литературной поэзией и народной песней, стала менее широкой. Ворон, долбящий носом улитку на рисовом поле, — образ этот встречается и в хайку, и в народной песне. Многие сельские грамотеи, как об этом свидетельствует Басё, полюбили хайку.

В 1680 году Басё создал первоначальный вариант знаменитого в истории японской поэзии стихотворения:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.
Осенний вечер.

К работе над этим стихотворением поэт возвращался в течение нескольких лет, пока не создал окончательный текст. Это одно говорит о том, как упорно Басё работал над каждым сло-

вом. Он отказывается здесь от штукачества, от игры формальными приемами, столь ценимой многими современными ему мастерами поэзии, которые именно этим и создали себе известность. Затянувшиеся годы ученичества кончились. Басё нашел наконец свой путь в искусстве.

Стихотворение похоже на монохромный рисунок тушью. Ничего лишнего, все предельно просто. При помощи нескольких умело выбранных деталей создана картина поздней осени. Чувствуется отсутствие ветра, природа словно замерла в грустной неподвижности. Поэтический образ, казалось бы, чуть намечен, но обладает большой емкостью и, завораживая, уводит за собой. Кажется, что смотришь в воды реки, дно которой очень глубоко. И в то же время он предельно конкретен. Поэт изобразил реальный пейзаж возле своей хижины и через него — свое душевное состояние. Не об одиночестве ворона говорит он, а о своем собственном.

Воображению читателя оставлен большой простор. Вместе с поэтом он может испытать чувство печали, навеянное осенней природой, или разделить с ним тоску, рожденную глубоко личными переживаниями. Если он знаком с китайскими классиками, он может вспомнить «Осенние песни» Ду Фу и оценить своеобразное мастерство японского поэта. Человек, сведущий в древней философии Китая (учение Лао-цзы